

Рыжков Денис Леонидович

ПРЕВРАЩЕНИЕ СТОИМОСТИ В СИСТЕМЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ОБМЕНА КАК ПРОЯВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА

Статья посвящена описанию превращения системы общественного обмена, в результате которого обращение фиктивных стоимостей завладевает системой действительного обмена. Анализируется механизм этого явления, и делается вывод о том, что участие превращенных форм стоимости в совокупном общественном обмене, наравне с потребительными стоимостями, создают качественно иную систему обмена продуктов общественного производства и рабочей силы. При этом навязывание стоимости посредством знания выступает необходимым способом реализации интереса собственника финансового капитала в поддержании такой стоимости рабочей силы, когда ее носитель не имеет возможности прервать ее продажу или поставить работника в условия высокой зависимости от продажи своих трудовых потенций.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/2-2/38.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 2 (28): в 2-х ч. Ч. II. С. 157-163. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/2-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 02.41.21

Философские науки

Статья посвящена описанию превращения системы общественного обмена, в результате которого обращение фиктивных стоимостей завладевает системой действительного обмена. Анализируется механизм этого явления, и делается вывод о том, что участие превращенных форм стоимости в совокупном общественном обмене, наравне с потребительными стоимостями, создают качественно иную систему обмена продуктов общественного производства и рабочей силы. При этом навязывание стоимости посредством знания выступает необходимым способом реализации интереса собственника финансового капитала в поддержании такой стоимости рабочей силы, когда ее носитель не имеет возможности прервать ее продажу или поставить работника в условия высокой зависимости от продажи своих трудовых потенциалов.

Ключевые слова и фразы: общественный обмен; собственность; общественное противоречие; социоисторические организмы; финансовый капитал; превращенная форма стоимости.

Денис Леонидович Рыжков, к. филос. н.

Кафедра философии и культурологии

Московский государственный горный университет

ryzhkovdl@mail.ru

ПРЕВРАЩЕНИЕ СТОИМОСТИ В СИСТЕМЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ОБМЕНА КАК ПРОЯВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА[©]

Обмен продуктами общественного производства является неотъемлемой частью социальной организации. Общество в целом и каждый его представитель в отдельности потребляют товары и услуги, в связи с чем последние представляют некую ценность для своих потребителей. Назначение товара определяет его потребительную стоимость или, иными словами, полезность для применения.

Каждый товар имеет свои особенности производства: специфику рабочей силы, организацию труда, технологии и тому подобное, поэтому потребительная стоимость включает в себе качество и количество общественно полезного труда в товаре. Но насколько потребительная ценность товара учитывается на рынке, то есть в системе общественного обмена?

В условиях капиталистического производства рынок служит капиталу, а именно: обеспечивает непрерывный процесс обмена товарами для извлечения его владельцами прибыли. Обмен выступает обязательным звеном в цепи создания прибавочной стоимости, обеспечивая реализацию функции капитала – возрастания стоимости. Поэтому современный рынок невозможен без придания стоимостям настолько простых форм, насколько они были бы удобны обмену. Таким образом, если в общественном *производстве стоимости* товара определяется его *полезностью* для потребления человеком, то *на рынке* господствует меновая стоимость, *оценивающая товар в целях обмена*. Оценка эта происходит по средствам неких эквивалентов стоимости, унифицирующих обмен (например, денег) и поэтому лишенных содержания потребительной стоимости. Изначально такие стоимостные эквиваленты образовались на рынке в качестве «помощников» товарного обмена, но затем сами стали товаром. Таким образом, деньги или другие подобные им формы выступают *иной по отношению к себе сущностью*, а именно, *играя роль товара*, они *не обладают его содержанием* (потребительной стоимостью), становясь, тем самым, *превращенной формой* товара.

Эта метаморфоза форм *не меняет сущность* стоимости как общественного отношения производства, однако *скрывает ее* и, более того, в общественном обмене отрывает ее бытие от действительной сути, а значит и отношения товаровладельцев становятся в зависимость не столько от действительного содержания своего товара, сколько от цены универсального товара, которым, прежде всего, выступают деньги. Соответственно и владелец такого товара по отношению к другим участникам общественного обмена находится в привилегированном положении. В этом состоит суть преобразования системы общественного обмена из *действительной*, когда потребительные стоимости противостоят друг другу, в *превращенную*, когда потребительной стоимости товара (полезности) противостоит цена его обращения в деньги (меновую стоимость без потребительной). В такой системе в деньги как в универсальный товар превращается все, и чем легче товар обменивается на деньги, тем он нужнее рынку, независимо от того, насколько в нем нуждаются отдельные люди и общество в целом.

Обозначенное противостояние меновой и потребительной стоимостей выступает источником *противоречия* превращенной системы общественного обмена, которое неизбежно проявляется в отношениях социальных групп в неких исторически конкретных *формах*. Поэтому теоретическое обоснование обозначенного противоречия требует практического изучения. В данном случае это – анализ современных форм наиболее явных социальных противоречий, завязанных на отношениях обмена.

Противоречие превращенной системы обмена продуктами общественного производства проявляется в *неэквивалентности* противопоставления (неравенстве в обмене) потребительных стоимостей *при видимой*

адекватности этого обмена. При этом противоречие такого обмена актуализируется в обществе только если непрерывно и системно воспроизводится, то есть при наличии **системы**, порождающей и закрепляющей такую неэквивалентность, которая актуальна и действенна в настоящее время. Товаром для подобной системы являются не только непосредственно продукты общественного труда, но и то, что делает этот труд возможным, а именно – рабочая сила разного рода: интеллектуальная и физическая. Наличие рынка труда и его градация не оставляют сомнения в том, что рабочая сила еще выступает товаром, стоимость которого определяется, в том числе, уровнем ее квалификации.

Обмен объективно происходит от разного качества трудовых потенциалов производителей, но в условиях **превращенной** системы общественного обмена рабочая сила, равно как и всякий остальной товар, обретает иную цель – накопление богатств, но только для тех субъектов обмена, которые ее покупают (владельцев средств производства) с целью извлечь в дальнейшем прибавочную стоимость и опять запустить в обмен. **Для носителя рабочей силы все обстоит иначе.** Он вынужден выменивать ее на потребительные стоимости (товары, услуги), необходимые для собственного существования. Но сделать это можно только получив за нее деньги, **превратив** ее в иную форму, обрета, тем самым, доступ к общественному обмену. Носитель рабочей силы продает ее (превращая в деньги) и делает это до тех пор, пока в том есть нужда, а именно – нет иного способа существования.

Таким образом, частная собственность как общественное отношение производства уже есть неравенство участников совокупного общественного процесса производства, заключающееся в социальном неравенстве людей по поводу владения или невладения средствами общественного производства. Это позволяло на начальных этапах развития капитализма собственникам средств труда быть управленцами, контролерами управленческого аппарата или просто рантье. Невладение средствами производства отводит своему субъекту только одну роль – торговца собственной рабочей силой. Так как средством производства является промышленный либо финансовый капитал, то и цель обладания им состоит в прибыли от его обращения, а значит в увеличении богатства его обладателя. Одним из верных способов такого увеличения объективно выступает общественный обмен, где скрытость **действительного содержания** товара (в том числе и рабочей силы) и **универсальность** менового эквивалента определяют возможность **систематического неравного вознаграждения** его участников.

Как следствие, **владелец и невладелец капитала** не просто по-разному используют рабочую силу как товар, а **объективно противостоят друг другу по целям деятельности.** Лишь невооруженному научным анализом глазу кажется, что собственнику оборотных средств рабочая сила нужна только как «разменная монета» для наращивания накоплений. В действительности же эти накопления имеют смысл только благодаря постоянно создаваемым рабочей силой потребительным стоимостям (товарам и услугам), цена которых меряется их **превращенными формами** – накапливаемыми меновыми эквивалентами. Вот почему собственник оборотных средств, в первую очередь (возможно, сам того не осознавая), заинтересован в такой стоимости рабочей силы, когда ее носитель не имеет возможности прервать ее продажу. Иными словами, ему нужно поставить работника в **условия высокой зависимости от продажи своих трудовых потенциалов.**

Это есть источник главного социального противоречия в условиях частной собственности на капитал, а проявляться оно может в совершенно разных сферах общественной жизни: экономической – разногласия в оплате труда, правовой – трудовых спорах, политической – солидарности отдельных социальных групп по отношению к другим группам в связи с экономическим интересом.

Накопления достигают своих вершин при капиталистическом способе производства и на определенном этапе обуславливают переход к империализму (или на современном языке – глобализму). Происходит указанный процесс за счет **интенсивности** самого обмена, вне определяющей роли материального производства, то есть там, где **рост обмена не сопровождается ростом потребительных стоимостей.**

Это становится возможным благодаря **метаморфозам форм** стоимостей. Они **превращаются** в продукты, скрывающие их действительный характер, заменяя прямую взаимосвязь косвенными выражениями. Все общественные отношения по поводу **обмена превращенными формами** стоимости трансформируются таким образом, что **перестают быть явными.** Такое превращение отношений общественного обмена есть результат господства необходимости обменивать различные продукты общественного производства между их производителями.

Развитие этой необходимости в условиях глобального рынка невозможно без превращения качеств продуктов в формы, обладающие отличными от них свойствами, а в данном случае – возможностью беспрепятственного замещения разного качества овеществленного труда. «Международная торговля товарами и услугами недостаточна для создания мировой экономики; должны стать взаимозаменяемыми факторы производства» [7, с. 116]. Товарное капиталистическое производство, при котором формула $T - D - T$ работает как символ, определяющий **сущность** отношений потребительной и меновой стоимостей, сегодня становится уже историей. Для наращивания номиналов стоимостей куда более эффективную роль в этой цепочке играют условные единицы меновых стоимостей, принося несметные богатства своим обладателям.

Формы эквивалентов меновой стоимости, не несущие в себе потребительной, стали агентами в финансовом обмене и приобрели некую ценность, **автономную** от потребительных стоимостей. Такая ценность по отношению к потребительным стоимостям и системе, их производящей, может рассматриваться только как **превращенная форма** ценностей, **противостоящая** в совокупной системе общественного обмена **действительным стоимостям.** В этом заключается кульминация превращенных форм: они не просто существуют

рядом с действительными по собственным законам, но постоянно создают все новые, представляющие собой уже превращенные системы отношений обмена как следствие дальнейших превращений.

С развитием и интеграцией финансовых рынков соотношение количественного роста форм эквивалентов меновых стоимостей по отношению к объему потребительных стоимостей приобретает невиданные масштабы: «Финансовые активы развитых стран, входящих в организацию экономического сотрудничества и развития, составили в общей сложности 35 трлн долл., что в два раза превысило стоимость продукции, выпускаемой этими странами...» [10, р. 232]. Более того: «Оборот только за неделю в системе финансового капитала равен годовому валовому продукту США, а за месяц – всему мировому валовому продукту» [1, с. 10].

Капитал функционирует как капитал до тех пор, пока процесс изменения наличных форм стоимости приводит к их увеличению. Лучшей из таких форм являются именно превращенные формы потребительных стоимостей – финансовые инструменты, в связи с их безграничными возможностями и легкостью в обращении. Это подтверждается наблюдением современных авторитетных исследователей, в частности Мануэля Кастельса, по мнению которого современный капитализм строит свое благополучие вокруг сети финансовых потоков, так как капитал реализуется, инвестируется и накапливается, прежде всего, в сфере денежного обмена, то есть является финансовым капиталом [9, р. 472]. Следовательно, ценность *капитала как товара* состоит в полезности капитала для его обладателя, то есть в возможности противопоставления вновь образованной стоимости всей совокупной полезности общественного труда. Таким образом, потребительная стоимость капитала *как товара* кардинально отличается от всех других товаров: она, принимая форму меновой стоимости, не выменивается на «полезность» другого товара, а *захватывает* ее, определяя, тем самым, *превращенное неравенство* между участниками обмена: общество – капитал.

Такой характер отношений может быть определен не только отношением собственности на капитал, но и *формой самого* капитала. Так, источником экспроприации продуктов общественного труда для промышленного капиталиста является присвоение части прибавочного продукта, создаваемого рабочей силой, то есть части труда наемного работника. Таким же способом только опосредовано – через банковский процент – может возрастать и капитал финансовый. Однако у него есть и другой путь – пользоваться универсальностью собственных носителей. Поэтому в случае с финансовым капиталистом дело обстоит иначе: для него *наиболее эффективная форма функционирования* (в условиях жесткой конкуренции самая приемлемая) та, при которой обмен происходит *между разными видами эквивалентов превращенных форм стоимости*. И промышленный, и финансовый *капиталы* есть, прежде всего, капиталы (самовозрастающие стоимости), а *создание потребительных стоимостей* здесь *всего лишь средство*. Отсюда вывод, что та форма капитала будет господствовать во всей системе стоимостей (а значит и отношений между социальными группами по этому поводу), которая в большей степени удовлетворяет цели капитала как капитала. Это абстрактное умозаключение подтверждается выводами известного специалиста по финансовым рынкам Дж. Сороса: «Поскольку финансовый капитал является еще более мобильным, чем физические инвестиции, он занимает привилегированное положение...» [7, с. 116].

При функционировании капитала как обращения превращенных форм стоимостей вновь произведенная стоимость противостоит не той рабочей силе, что затрачивалась на ее производство, а той, что затрачена в процессе функционирования промышленного капитала. Отсюда противостояние *двух видов капитала*: рождающегося *в производстве* и проявляющегося *в сфере обмена*. Соотношение совокупной стоимости эквивалентов обмена (превращенных форм) с меновой стоимостью совокупного общественно-полезного продукта (количеством абстрактного общественного труда, заключенного в товаре) неуклонно меняется в пользу первой. Поэтому с развитием форм эквивалентов общественного обмена закономерно дорожают формы общественно-полезного продукта, а именно товары и услуги, имеющие непосредственную полезность для человека. И наоборот, единицы эквивалентов меновой стоимости дешевеют. Чтобы этого не происходило, собственник заинтересован вменить или «навязать» величину стоимости дешевающему эквиваленту.

Дело обстоит таким образом, что функция «навязывания» мнимой или фиктивной стоимости более всего присуща тому, кто контролирует обмен продуктами труда. Уже было сказано о деньгах как о наиболее явной форме эквивалента меновой стоимости, которая способна увеличиваться неадекватно стоимости потребительной. Процесс обмена – узловый процесс капиталистического производства. «Продукт отдельного производителя, предназначенный на чужое потребление, может дойти до потребителя и дать право производителю на получение другого общественного продукта только приняв форму денег, то есть подвергшись предварительно общественному учету как в качественном, так и количественном отношениях. А учет этот производится за спиной производителя, посредством рыночных колебаний. Эти неведомые производителю, независимые от него рыночные колебания не могут не порождать неравенства между производителями, не могут не усиливать этого неравенства, разоряя одних и давая другим в руки деньги = продукт общественно-го труда. Отсюда ясна и причина могущества владельца денег скупщика: она состоит в том, что среди кустарей, живущих со дня на день, самое большое с недели на неделю, он один владеет деньгами, т.е. продуктом прежнего общественного труда, который в его руках и становится капиталом, орудием присвоения прибавочного продукта других кустарей» [2, с. 425-426].

Действительно, функция присвоения к стоимости некой фиктивной ее части наиболее присуща финансовому капиталу ввиду его контроля над обменом. Как следствие, финансовый капитал властвует над промышленным производством, при этом все большая его часть создается в результате обмена эквивалентов меновых стоимостей или, попросту говоря, фетишей. Более того, с реализацией закономерных тенденций

интернационализации производства это явление прогрессирует геометрически. Так, «если в 1990 г. в денежные спекуляции были вовлечены 600 млрд долларов ежедневно, то в 1997 г. – уже более 1 трлн долларов, что в 29-30 раз превышает стоимость продаваемых за день товаров и услуг» [8, с. 8].

Участие превращенных форм стоимости в совокупном общественном обмене, **наравне с потребительными стоимостями, создает качественно иную систему общественных отношений по поводу обмена.** Превращенная система обмена материальных и духовных благ сегодня уже достаточно глубоко проникла и завладела международными социально-экономическими связями. Наличие географически выделяемых регионов мирового хозяйствования ярко свидетельствует об этом не само по себе, а их различной ролью в движении финансового капитала. Принципы такого движения выступают определяющими факторами материального **благосостояния больших социальных групп**, которое **является производной превращенной системы** общественного обмена. Границы регионов мирового хозяйствования складывались в связи с материально-исторической ролью находящихся в них социумов, поэтому разумно согласиться с терминологией профессора Ю. И. Семенова и именовать их социоисторическими образованиями: «...мнообразие значений, которые стали вкладываться в словосочетание “социальный организм”, побудило меня отказаться от него и предложить для обозначения отдельного конкретного общества новый термин “социально-исторический (социоисторический) организм”» [6, с. 19]. Разница положений этих регионов проявляется в их роли в единой системе глобального общественного обмена, в котором с развитием превращенных форм стоимостей возникает **новый пласт социальных отношений**, формирующийся по поводу воспроизводства **внешних опредмеченному труду** форм.

Так, при современных финансово-спекулятивных капиталистических отношениях неизбежно выражение всякой фиктивности через потребительную стоимость. Если я создаю потребительную стоимость, используя при этом собственные трудовые потенции, я опредмечиваю свой труд и имею то отношение со всеми общественными производителями, что претендую на потребление продукта качественно иного труда в виде товара. Тем самым, я обеспечиваю удовлетворение подобных потребностей рабочей силы иного качества, то есть созидающей в иной сфере. Но как быть с теми, **кто не создает потребительной стоимости**, или с теми, чей труд **не обладает общественной полезностью**, востребованной в обмене? Они вместе с трудящимися присваивают и **потребительную** стоимость, но не производя взамен полезный товар или услугу, а приращивая номинал фиктивной стоимости, обеспечивающей доступ к обмену. Это все равно, что просить долг, ничего не одалживая. Тут неизбежно возникает вопрос **признания** должником того, кто не имеет долга, а в нашем случае – признания обществом навязанной стоимости: то есть факторов, порождающих **обмен фикций на реальную полезность**.

Как видно, субъекты общественного производства, не поставляющие потребительную стоимость в систему обмена между производителями, присваивают потребительные стоимости настолько, насколько это позволяют условия общественного обмена. Такую систему обмена производимого и потребляемого невозможно в рамках здравого смысла назвать иначе как **обманом**, но это когда он очевиден. А, как было указано, речь идет о **превращенной системе** отношений, где действительные формы заменены их косвенными выражениями, поэтому **обман как действительность** оказывается **скрытым за косвенным выражением стоимости** (ее обменным эквивалентом), а противодействовать скрытому невозможно. В этом и состоит одна из особенностей и главная трудность социального познания, что его субъект исследует систему связей, частью которой сам является.

Одним из механизмов присвоения действительного содержания и его признания в превращенной системе общественного обмена можно считать явление, при котором стоимость порождается знанием. Этот феномен описан Тайичи Сакайя в структуре современного товарного производства: «В обществе, основывающемся на созданной знанием стоимости, цена продукта и объем его продаж значительно увеличиваются в случае, если при его маркетинге потребителю удастся навязать представления о том, что этот продукт является результатом новых технологий, обладает уникальными функциями, отвечает потребностям людей с тонким вкусом, наконец, представляет собой последний крик моды» [3, с. 366]. Действительно, если потребительная стоимость воплощает собой отношения общественной полезности производителя к другим производителям, то любая фиктивная стоимость, не выражая количественную либо качественную стороны человеческого труда, не может естественно возникнуть, она должна быть навязана в той или иной форме. Иными словами, **если предмет не представляет ценности, стоимость его может быть только навязана, то есть мнима.** Формы навязывания могут быть различными и не похожими друг на друга: от неравноправности сделки, в силу тех или иных обстоятельств, до инфляционного процесса ввиду неэквивалентности роста номиналов эквивалентов меновых стоимостей над потребительными стоимостями. Ярчайшим примером может служить торговля будущими контрактами. Разница форм навязывания заключается лишь в том, что с ее усложнением становится все труднее определить самого **«навязывателя»**, то есть того или тех, кто **обменивает мнимую ценность на реальную**.

Описываемое Т. Сакайя явление можно распространить и на товары, являющиеся формами эквивалентов меновой стоимости, но не несущие в себе стоимости потребительной. Главной из таких форм выступают деньги. Став **специфическим товаром**, они поддерживают собственную ценность на рынке за счет **фактора** некоего **знания**, позволяющего видеть в таком товаре средство для наращивания стоимости. Важность этого явления при анализе социальной структуры состоит во взаимосвязи с процессом распределения общественных благ.

Со временем *навязывание фиктивной стоимости превращается в общественную функцию* и выступает как исторически определенная *форма неравенства*. В современных экономических условиях это выражается в большей зависимости цены производимых товаров от географии производства, чем от качественных и количественных характеристик опредмеченного труда, что объясняется различным уровнем жизни их собственников и производителей.

Общий уровень потребления стран с более дорогой рабочей силой оказывается, как правило, выше, чем там, где она дешевле. В свою очередь, средства для воспроизводства рабочей силы сами выступают товарами, то есть продуктами труда производителей. Фиктивная стоимость, постоянно присовокупляясь к себестоимости последующих товаров, «размножается» и потому точному определению подлежать не может. Поэтому воспроизводство рабочей силы, включенное в себестоимость товара, дорожает быстрее в так называемых развитых или благополучных регионах мирового хозяйствования. Тем в большей мере эти социоисторические организмы нуждаются в «навязывании» стоимости другим народам.

Стоимость, порожденная знанием, о которой повествует Т. Сакайя, является собой типичный пример превращенной формы стоимости и порождаемой ею *превращенной системы общественного обмена*, воспроизводящей отношения *социального неравенства*, вытекающего из сути капиталистических товарно-денежных отношений.

Мы говорим о формах эквивалентов меновой стоимости как носителях функции «навязывания» фиктивности стоимости и отмечаем, что такие формы есть превращенные формы стоимости, и системы, в которых они участвуют, также *превращаются*, делая «навязывание» общественным отношением обмена. Такие системы неэквивалентности обмена количеством совокупного овеществленного труда обладают характерной особенностью, состоящей в *безликости общественной силы-исполнителя* обесценивания или переоценки предметов общественного обмена. Это означает скрытость для обыденного уровня общественного сознания конкретной социальной группы, заинтересованной либо незаинтересованной в уровнях оценки фиктивных инструментов обмена.

Но не только формы меновых стоимостей могут быть носителями «мнимости» и порождать отношения «навязывания» неадекватности социального обмена. Собственно говоря, Сакайя и имел в виду некие потребительские стоимости, ценность которых на рынке определяется уже не столько непосредственно полезностью, сколько некой социально значимой информацией о них. Элемент навязанной стоимости может нести в себе и любая форма потребительной – это лишь вопрос общественных условий, в которых находятся ее создатели и потребители. Учитывая интернационализацию общественного производства, важно знать, какое место в современных транснациональных производственных отношениях занимает фиктивность в обмене продуктами производства, их меновыми эквивалентами и особого рода товара – рабочей силы. Так, например, не является ли стоимость рабочей силы участника производства следствием не только качества и количества им производимого, но и некими факторами к производству не относящимся. Это – первое. И второе: если так, то является ли это случайностью, либо носит закономерный характер. Ответ на этот вопрос давал автором в статье «Средний класс в системе наемного труда глобализирующегося общества (социально-философский аспект)» [5]. Приведенные данные о цене рабочей силы в различных хозяйствующих регионах планеты и уровнях выработки ярко свидетельствуют о том, что все разговоры о разнице стоимости рабочей силы как сугубо следствии цены ее воспроизводства (стоимости условий ее восстановления), обусловленной природными и традиционными факторами страны и населения, не убедительны.

Исторические формы противопоставления товаровладельцев определены уровнем развития производительных сил и производственных отношений, и в настоящее время, когда оперирование информационными потоками стало важнейшим в воздействии на сознание людей, фактор знания (мнимого и реального) превратился в средство регулирования социальных отношений, в частности через навязывание стоимостей. В этом случае *квалификация рабочей силы и техническая сторона соединения ее со средствами производства (технология) становятся такими потребительскими стоимостями, меновую величину которых можно установить*, исходя *не только* из затрат на их создание и реализацию. На первый взгляд, данная позиция является спорной, потому что технология сама является потребительной стоимостью. И это, несомненно, так. Технология – это товар, содержащий опредмеченный труд не одного поколения людей. Но в данном случае мы указываем на возможность *обмена технологии в качестве товара* на рынке *неадекватно* его меновой стоимости (абстрактного общественного труда в нем заключенного) *в силу самих условий* такого обмена. Подобными условиями часто выступают знания или незнания о технологиях чего-нибудь.

Условия отношений экономически отсталых социоисторических образований с транснациональным капиталом таковы, что первые изначально не могут противопоставить совокупности овеществленного труда, заключенного в технологических инновациях, соизмеримую стоимость. Это и есть условие социального неравенства, обеспечивающее возможность «навязывания» стоимостей в современном распространении транснациональными корпорациями технологических инноваций.

Если любая навязанная стоимость составляет часть прибавочной стоимости, то при конечном производстве продукта навязанная стоимость технологии требует своего эквивалента в предмете природы или изменения условий взаимодействия социумов, то есть, по сути дела, *проявления стоимости как отношения социумов*. Иначе говоря, навязанная часть стоимости экономически вычитается из стоимости рабочей силы периферийных хозяйствующих регионов, определяя социальное неравенство по поводу общественного положения в мировой системе хозяйствования.

В более простом варианте объяснения это может звучать так: если неравенство отношений двух хозяйствующих субъектов определяется *разницей* в уровнях развития производительных сил, то при организации совместного производственного процесса данное неравенство превращается в обязанность одного перед другим, в отказе от собственных прав (на адекватность стоимости рабочей силы, на недра, на экологическую чистоту и тому подобное). При этом характерно то, что формально субъекты остаются равноправными, то есть указанная зависимость не связана с изначальной юридической несвободой, а обусловлена только экономическими причинами. В результате стоимость, созданная знанием, в конечном товаре концентрирует богатство, *не связанное с материальными затратами*, в руках коллективного или индивидуального собственника. Об этом явлении наиболее ярко свидетельствует ситуация с так называемыми соглашениями о разделе продукции, когда ТНК предоставляет продукты добычи и налоговые отчисления в зачет внедренным технологиям добычи и разведки полезных ископаемых. Обозначенная здесь неадекватность обмена реализуется в условиях подобных соглашений, в частности в применении цены полезного ископаемого и скорости его добычи. Соотношение доходов и расходов от участия в совместном освоении шельфа зафиксировано в отчетах Счетной Палаты Российской Федерации: «Задолженность российской стороны по налогу на добавленную стоимость по состоянию на 31 декабря 2000 года составила 68,6 млн долл. США, в том числе по проекту “Сахалин-1” - 33,4 млн долл. США, по проекту “Сахалин-2” - 35,2 млн долл. США, при этом возмещение налога на добавленную стоимость происходит за счет федерального бюджета. В то же время российской стороной от реализации соглашений о разделе продукции было получено всего 160,9 млн долл. США, в том числе в федеральный бюджет поступило 24,3 млн долл. США, что составляет всего лишь 15,1 процентов.

Компания “Сахалин Энерджи”, оператор проекта “Сахалин-2”, с сентября 1999 года начала реализацию углеводородов, однако она не уплачивает в бюджет плату за пользование недрами (роялти), в то же время по экспертной оценке пеня за несвоевременную уплату роялти по состоянию на 31 декабря 2000 года составит около 5,0 млн долл. США, в том числе в федеральный бюджет причитается 2,0 млн долл. США» [4].

Вторым наиважнейшим фактором *фактивности* меновой стоимости технологий является высокая зависимость от них периферийных регионов мирового хозяйствования.

Дело в том, что в условиях господства транснациональных производственных отношений, когда разница в развитии производительных сил целых стран чрезвычайно велика, эффективность хозяйственной деятельности отстающей стороны становится не просто низкой, а неспособной к воспроизводству достаточного для выживания уровня потребляемых благ. Единственным способом разрешения данной проблемы является скорейшее преодоление технологического разрыва. А сделать это можно только в процессе обмена с развитой стороной. В этом случае *выбор практически отсутствует*, так как субъектами обмена являются не конкретные люди, а социоисторические образования с внутренними классовыми антагонизмами. Агентами преодоления такого разрыва выступают транснациональные корпорации и транснациональные банки.

Социоисторические образования не являются объектами межличностных отношений, а значит, формируемые ими социальные связи осознаются их участниками иначе. Субъект отношений при формировании социальной картины мира, так или иначе, фиксирует в своем сознании образ противостоящей ему общественной силы, который совсем не обязательно должен быть эмоционально окрашен или подогнан под экстремистскую систему ценностей. Он обладает известной долей конформизма уже потому, что это – залог обыденного приспособления сознания к хитросплетениям воспринимаемого им сложного мира. Учитывая, что подавляющая часть населения любой из стран, а в особенности капиталистической периферии, не обладает специальными социально-научными познаниями, образы эти должны быть *доступными обыденному сознанию*, что исключает всякую возможность действительной оценки состояния социально-экономических связей. Таким образом, *превращенность* общественных отношений приводит к превращенности социального отражения как на уровне индивидуального, так и общественного сознания.

Это означает, что *в общественном сознании должно быть сформулировано примитивное понимание превращенных форм присвоения общественного богатства*, которое должно стать неотъемлемой частью массовой культуры. Соответственно поддерживаться и культивироваться такое понимание будет всеми теми средствами, которые имеются в распоряжении общества. Уже поэтому представляется актуальным взглянуть на современные средства манипулирования информацией не с технической, рекламной, художественной и другой частной стороны, а в разрезе социально-философского осмысления.

Подводя итог, можно отметить, что фактор знания, рассмотренный и примененный ко всему многообразию товаров, в том числе представляющим собой эквиваленты меновой стоимости, распределяет ценность между ними таким образом, что потребительная стоимость и рабочая сила производящих ее социальных групп *мнимо теряют свою значимость* в процессе товарообмена. В результате одни присваивают труд других в условиях международного разделения труда. Это приводит *к обесцениванию живого труда по сравнению с фактивными стоимостями*.

Таким образом, навязанная стоимость играет важнейшую роль в формировании современного распределения общественных благ, что придает структуре отношений по поводу транснационального капитала классовый характер. Это - во-первых.

Во-вторых, при капиталистическом способе производства функционирование промышленного капитала немислимо без его финансовой формы, и чем более развиты капиталистические отношения, тем более это так ввиду возрастающей сферы обмена. Так как стоимость есть отношения между людьми по поводу

произведенного ими продукта труда, то «навязанная стоимость» есть, следовательно, некое *фиктивное отношение*, заключающееся в том, что одному опредмеченному труду не противопоставляется другой, но обмен при этом происходит. Отсюда следует, что всякая *навязанная стоимость есть отношения людей* не по поводу качества и количества ими производимого, а *по поводу присвоения продуктов труда одних другими*.

Навязанная стоимость в данном случае есть лишь конкретная *форма проявления экспроприации рабочей силы*, определенная уровнем развития производительных сил и производственных отношений. Навязанная стоимость это и форма распределения материальных и духовных благ, свойственная классовому обществу, что является крайне важным социально-философским выводом, преодолевающим налет новой формы при выявлении существа отношений больших групп людей.

Научно-техническая революция, принеся более глубокую дифференциацию трудовых функций в техническую сферу производственного процесса, ни в коей мере не отменила необходимость совокупному и индивидуальному работнику продавать свою рабочую силу, несмотря на преобразования их структуры и функций. То же справедливо и в отношении транснационального финансового капитала, который лишь видоизменил свою форму и стал присваивать несравненно большую долю прибавочного продукта, производимого в результате функционирования промышленного капитала. Способ же воспроизводства транснационального банковского капитала и сущность его функционирования несколько не поменялись, несмотря на все изменения общественных институтов, обеспечивающих его деятельность.

И, наконец, в части социально-структурных тенденций превращенные формы агентов общественного обмена имеют серьезное значение. Превращенные формы стоимостей рожают *специфические отношения между производителями*, которые в процессе обмена делают невозможной однородность массы производителей, занимающих одинаковое место по отношению к средствам общественного производства. Проще говоря, система обращения превращенных форм меновых стоимостей вносит изменения в социальную структуру, а в современных условиях – международную социальную структуру. Так, у современного рабочего класса, в марксистском понимании этого термина, наличествует рабочая аристократия как результат разнообразного подкупа части наемного работника за счет получения сверхприбылей. Неизбежно и общее расслоение наемного труда в связи с вовлеченностью его в различные сферы производства, по профессиям. То же можно сказать и о владельцах капитала: владение международными или национальными системами обращения определяет положение по уровню богатств и влияния на политическую жизнь.

Список литературы

1. Долгов С. И. Глобализация: новое слово или новое явление. М., 1998. 213 с.
2. Ленин В. И. Сочинения. М.: Издательство политической литературы, 1967. Т. 1.
3. Новая постиндустриальная волна на Западе: антология / под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. 631 с.
4. Отчет о результатах тематической проверки в Сахалинской области по вопросам организации взимания налогов и платежей в федеральный бюджет при исполнении соглашений о разделе продукции за 2000 год [Электронный ресурс] // Бюллетень Счетной палаты Российской Федерации. 2001. № 11 (47). URL: <http://www.budgetrf.ru/Publications/Schpalata/2001/bulletin/schpal472001bull11-1.htm> (дата обращения: 20.12.2012).
5. Рыжков Д. Л. Средний класс в системе наемного труда глобализирующегося общества (социально-философский аспект) // Философия социальных коммуникаций. 2011. № 4. С. 145-154.
6. Семенов Ю. И. Философия истории от истоков до наших дней: основные проблемы и концепции. М.: Старый сад, 1999. 380 с.
7. Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности / пер. с англ. М.: ИНФРА-М, 1999. 260 с.
8. Чеченцев В. Крот истории роет // Экономическая газета. 1997. 1 июля.
9. Castells M. The Rise of the Network Society. Malden - Oxford, 1996.
10. Greider W. One World, Ready or Not. The Manic Logic of Global Capitalism. N. Y., 1997.

VALUE CONVERSION IN SOCIAL EXCHANGE SYSTEM AS SOCIAL INEQUALITY MANIFESTATION

Denis Leonidovich Ryzhkov, Ph. D. in Philosophy
Department of Philosophy and Culturology
Moscow State Mining University
ryzhkovdl@mail.ru

The author describes the conversion of social exchange system, as a result of which the circulation of fictitious values seizes the system of actual exchange, analyzes the mechanism of this phenomenon, and concludes that the participation of the converted forms of value in total social exchange, along with consumption values, create the qualitatively different system of social production and labour products exchange. In this case, the imposition of value through knowledge is a necessary way to promote the interest of a financial capital owner in order to maintain such labor power value, when its bearer is not able to stop its sale or to provide employees the conditions of high dependence on the sale of their labor potentialities.

Key words and phrases: social exchange; property; social contradiction; social-historical organisms; financial capital; converted form of value.